

Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX — начала XX в.¹

Образ волостного писаря, как человека чуждого крестьянской среде, и в то же время, в силу своей грамотности, играющего значительную роль в крестьянском самоуправлении, нашёл отражение в ряде научных публикаций². При этом стоит отметить, что работ, освещающих роль и место волостного писаря в социальном пространстве Псковской губернии нет, однако в Государственном архиве Псковской области имеется комплекс дел, сосредоточенный в различных фондах и позволяющий раскрыть данный вопрос.

Должность волостного писаря была учреждена в ходе реформы государственной деревни (1837–1841), известной как реформа П. Д. Киселёва. Ряд идей данной реформы, а именно организация волостного управления, нашли своё отражение в законодательных актах крестьянской реформы 1861 г. Именно в ходе преобразований в помещичьей (1861 г.), удельной (1863 г.) и государственной (1866 г.) деревне получило юридическое оформление крестьянское самоуправление — как на сельском, так и на волостном уровнях. В то же время данный орган оказался под контролем местной администрации, что позволяло современникам писать о нем как административном органе. В 1881 г. в г. Пскове вышла в свет брошюра «Волостное правление как орган земской статистики», в которой автор характеризовал волостное правление как исполнительный орган крестьянского самоуправления, указав при этом, что «по своим главным функциям оно скорее представляет орган администрации, действующей в крестьянской среде»³. В качестве доказательства автор указал на тот факт, что все свои решения в среде крестьян власть реализует через должностных лиц волостного самоуправ-

ления — волостного старшину и писаря. Данные лица выступают также и в качестве посредника между земством, как органом всесословного местного управления, и сельскими сходами, как органами крестьянского самоуправления. Исходя из их данных обстоятельств, социальная роль волостного старшины и волостного писаря в крестьянской среде являлась крайне высокой.

Если волостной старшина, как представитель крестьянского самоуправления, являлся выборным должностным лицом, то волостной писарь нанимался на данную должность волостным сходом, и по сути не имел права участия в принятии решения распорядительным органом волостного управления — волостным сходом. Волостному старшине как руководителю исполнительного органа власти — волостного правления было сложно разобраться во всех бюрократических тонкостях своих обязанностей, поэтому делопроизводством занимался волостной писарь. Именно он постоянно присутствовал в волостном правлении, в то время как старшина преимущественно находился дома. Волостные правления вынуждены были выполнять все распоряжения различных правительственных и общественных учреждений. Член Тихвинского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Новгородская губерния) С. М. Беляк отмечал, что «в волостных правлениях ведутся дела из области ведения всех Министерств за исключением Иностранных дел и Морского»⁴. Учитывая одинаковый характер управления Псковской и Новгородской губерниями, возможно предположить, что подобная ситуация была характерна и для Псковской губернии.

Волостные писари в Псковской губернии вели большое количество книг по волостному делопроизводству, в их числе:
- книга мирских сборов;

Чикитина Наталья Павловна — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ПсковГУ.

- книга переходящих сумм;
- книга запасного мирского капитала;
- общая окладная книга;
- подворная книга;
- книга для записи паспортов и билетов, выдаваемых на отлучку крестьянам;
- посемейные списки;
- книга опеки;
- книга приговоров сельских и селенных сходов;
- книга приговоров волостного схода;
- книга семейных разделов;
- книга сделок и договоров;
- список лиц, избранных на волостной сход;
- списки лиц имеющих право голоса на сходе.

В ряде волостей заводились и особые книги. Так, в Спасо-Клинско-Локонском волостном правлении Холмского уезда дополнительно велась книга о разрешениях на постройки. Все книги требовалось пронумеровать и прошивать и вести записи без помарок.

Посемейные списки включали в себя данные о числе работников, о лицах призывного возраста, о выбывших из семьи лицах. При ведении посемейных списков волостной писарь должен был ежегодно проверять изменения в семейном положении домохозяйств, но не всегда это делалось. Некоторые писари изменения в семейном составе фиксировали в списках карандашом, а впоследствии на основе этого составляли новый список.

Сельские и селенные приговоры составлялись собственно в волостном правлении, т. к. далеко не каждое сельское общество имело собственного писаря, кроме того по сложившейся традиции делопроизводства они велись в волостном правлении. Естественно, что приговор составлялся не сразу. В дальнейшем крестьяне, принимавшие участие в сходе, должны были его подписать, что тоже делалось не всегда. Например, при ревизии Ломовского волостного правления Торопецкого уезда в 1891 г. вице-губернатором Н. С. Брянчаниновым отмечалось, что не все крестьяне, указанные в приговорах, его подписали⁵. Возможно предположить, что приговор был составлен недавно, и не все крестьяне смогли для его подписания прийти в волостное правление. Хотя не исключен и тот факт, что крестьяне были против составлен-

ного приговора и отказывались его подписывать. При ревизиях в волостных правлениях Псковской губернии довольно часто делалось замечание о необходимости проверки лиц, имеющих право голоса на сельском сходе. В ряде мест это действительно осуществлялось на сходах и закреплялось формулировкой следующего содержания: «...домохозяева общества, имеющие право голоса на сходе есть лица указанные ниже сего приговора...»⁶, или: «...признать самостоятельными домохозяевами нашего общества в каждом домохозяйстве представителя семьи старшего члена домохозяина имеющего право участия и голоса на селенных и сельских общественных сходах, а именно...»⁷. В других же волостях именно писарь осуществлял проверку лиц, имеющих право голоса по окладным книгам. Иногда волостной писарь выдавал подлинный приговор сельского схода на руки, а в книге приговоров фиксировалась копия.

В обязанности писаря входило и ведение бумаг по военно-конской повинности, комплекс которых был также достаточно велик и включал в себя наряды для рассыльных, маршруты, конверты для владельцев лошадей и жребии. Всё это должно было храниться в отдельном ящике.

В Российской империи второй половины XIX — начала XX в. часть нотариальных функций в среде крестьян выполняло волостное правление. В нём велись книги договоров и сделок, которые заключались между крестьянами одной волости. За совершение сделки взимался сбор в размере 5 коп. с каждого из договаривающихся, данный сбор шёл в пользу доходной части волостного бюджета⁸. Представление о нотариальной деятельности волостных правлений можно составить на основе материалов ревизии со стороны земских начальников и местной администрации. Так, в 1891 г. по поручению губернатора К. И. Пашенко вице-губернатором Н. С. Брянчаниновым была проведена ревизия ряда волостных правлений. В ходе данной проверки было указано, что в некоторых волостных правлениях отсутствуют книги приговоров и сделок, а ряду правлений высказаны замечания по ведению данных книг. Например, в Пожинском волостном правлении Торопецкого уезда были отмечены сле-

дующие недостатки: «в книге сделок и приговоров большей частью имеются подписи одной стороны, заключающей договор. По объяснению старшины, это происходит потому, что некому расписываться (в околodge все неграмотные)»⁹. Наличие таких замечаний свидетельствовало о том, что волостные писари, не обладающие знаниями о нотариальной деятельности, неаккуратно выполняли свои функции в отношении заключения договоров и сделок. Ещё одна причина такого положения, на наш взгляд, заключается в том, что в волостном правлении фиксировались договоры и сделки, заключаемые между крестьянами одной волости, и в случае нарушения договора они обжаловались именно в волостной суд, который принимал решения, основываясь на нормах обычного права. Возможно, поэтому волостное правление и не уделяло пристального внимания соблюдению всех норм, связанных с заключением сделки. Договоры крестьян из разных волостей или между крестьянами и представителями других сословных групп фиксировались уже у нотариусов.

Волостной писарь вел и канцелярию волостного суда, т. к. тот также являлся составным элементом волостного правления. В практике волостного судопроизводства в Псковской губернии велись следующие книги: входящих и исходящих бумаг, книга для записи жалоб словесных, книга решений волостного суда, протоколы волостного суда, алфавит справок о судимых лицах, книга штрафов и взысканий¹⁰. Очень редко волостной писарь получал за ведение документооборота по волостному суду дополнительную оплату. Такой факт удалось пока выявить только по Медовскому волостному правлению Холмского уезда, где волостной писарь кроме жалования (в размере 95 руб. в год) получал от председателя волостного суда ежемесячно 2 р. 50 коп.¹¹ Любопытно, что в данной волости председатель суда и один из судей были грамотными людьми, и могли с успехом вести документацию сами, но предпочитали поручать это волостному писарю. Для ряда волостей Островского уезда, например, Жеребцовской, было характерно наличие отдельно волостного писаря и отдельно делопроизводителя волостного суда. Причём,

если жалование волостного писаря составляло 500 руб. в год, то жалование делопроизводителя — 360 руб.¹² Такая разница вполне объяснима: если писарь пребывал в здании волостного правления ежедневно и помимо своих прямых должностных обязанностей постоянно готовил ответы на запросы буквально всех ведомств, то делопроизводитель волостного суда занимался только бумагами суда. Не редкой для Псковской губернии ситуацией было совмещение волостными писарями нескольких должностей. Так, писарь Богородицкого волостного правления Великолукского уезда дворянин Александр Иванов (24 года от роду) одновременно являлся ещё и сторожем, и разъездным¹³. С одной стороны, это возможно объяснить и удобством для волостного правления, т. к. квартира писаря довольно часто располагалась в здании волостного правления, а, следовательно, наём писаря на условиях совмещения мог быть одним из требований со стороны нанимателя, т. е. волостного схода, фактически не чем иным как обычаем. В то же время не исключено, что сами писари в условиях недостаточно высокого жалования ходатайствовали перед сходом о разрешении такого совмещения.

Периодически со стороны местной администрации осуществлялись ревизии волостных правлений. Так с 7 февраля по 11 марта 1884 г. Порховским уездным по крестьянским делам присутствием была проведена ревизия 14 волостных правлений. Материалы ревизии позволяют составить представление о компетентности и ответственности волостных писарей. Так, писарь Межницкого волостного правления Соловьёв «не вёл книг замечаний членов уездного присутствия, и не знал результатов, предыдущей ревизии»¹⁴. В Белецком волостном правлении писарь Кокорев «особенно аккуратно относился к ведению счетов сельских старост по окладным книгам»¹⁵. Очень часто в волостном делопроизводстве обнаруживалась чрезмерная «самостоятельность»: «что не волость, то новый порядок»¹⁶.

По мнению неперемного члена Порховского уездного по крестьянским делам присутствия (его имя в источнике не фигурирует), дела в Кривухинском волостном

правлении «ведутся крайне неудовлетворительно». Причину сложившегося положения проверяющий увидел в некачественном составе главных лиц волостного правления — писаря и старшины. Первый отличался «болезненным состоянием здоровья», а служил в этой должности, как это ни покажется странным, капитан Лебедев. Данное военное звание соответствовало VII чину табеля о рангах и давало ему, как минимум, право на личное дворянство. Удивительно, что человек с высоким военным чином служил в качестве вольнонаёмного служащего в крестьянском самоуправлении. Чем был вызван выбор такого рода деятельности Лебедевым, остаётся пока загадкой. Другим виновником «неудовлетворительного состояния канцелярии» Кривухинского волостного правления был объявлен волостной старшина, не способный к своему делу «и даже в нравственном отношении несостоятельствующий своему назначению»¹⁷. Подробности личных характеристик данных лиц в результатах ревизии не отражались. Порховское уездное по крестьянским делам присутствие приняло решение немедленно заменить писаря Лебедева более благонадежным. Что вкладывалось в понятие благонадежности, сказать сложно: то ли политические взгляды, то ли состояние здоровья. При этом присутствие требовало от волостного правления, чтобы писарю Лебедеву задержали жалование до тех пор, пока он не исправит недостатки по делопроизводству¹⁸.

Среди волостных писарей имели место и факты пьянства, «безобразия», о чём, в частности упоминается в материалах Порховского уездного съезда земских начальников¹⁹. А Псковский уездный съезд земских начальников прямо отметил, что писари «...ни в нравственном, ни в служебном отношении не отвечают своему назначению»²⁰.

Не была редкостью в среде волостных писарей губернии и текучка кадров. Новый писарь, вновь назначенный на должность, иногда не получал старых дел, т. к. предыдущий писарь их отказывался передавать. Например, такая ситуация сложилась в Горской волости. Писарь Артамонов, по показаниям нового писаря Лунёва, не передал ему дела, и как итог — при ревизии данного правления

были выявлены значительные недостатки по канцелярии. Однако проверяющий был не склонен доверять подобным оправданиям со стороны писаря Лунёва. По его мнению, именно Лунёв был виновником беспорядков в делопроизводстве, т. к. тот сменил уже третье волостное правление, «доказал свою неспособность к делу и неуживчивость»²¹. Справки о писаре Лунёве проверяющий наводил через пристава, и выяснил, что писарь представил в волостное правление отзывы от волостных старшин и сельских старост с предшествующих мест службы. Выяснилось, однако, что данные бумаги были составлены без их ведома и согласия. Проверяющий предложил для более тщательного контроля за деятельностью писаря перевести его в ближайшее к городу волостное правление. Однако Порховское уездное по крестьянским делам присутствие пошло дальше и приняло решение о немедленном удалении его от должности за «неспособность к делу и грубое обращение с крестьянами»²². Любопытно, что сами крестьяне на грубость писаря не жаловались. Чем завершилось «дело» писаря Лунёва, сказать сложно, т. к. окончательное решение об удалении от должности принималось волостным сходом, а приговора Горского волостного схода по этому вопросу вывить пока не удалось.

Небрежное отношение к бумагам фиксировалось и в Ручьевском волостном правлении, где были нередки случаи потери казённых пакетов²³. Таким образом, халатное отношение писарей к выполнению своих обязанностей являлось не редкостью. Волостной старшина Медведовской волости Великолукского уезда, например, просил уездное по крестьянским делам присутствие назначить нового писаря, т. к. «...старый положительно не исполняет ...поручения»²⁴.

Впрочем, за различные «упущения» по службе к волостному писарю могли быть применены разнообразные меры дисциплинарного взыскания, такие же, как для должностных лиц крестьянского самоуправления. Взыскания налагались государственными служащими, осуществлявшими контроль за крестьянским самоуправлением — мировыми посредниками, а после ликвидации в 1874 г. данного института — непременно

ми членами уездных по крестьянским делам присутствиями, а затем земскими начальниками. Так, в 1864 г. мировой посредник 3-го участка Великолукского уезда на основании решения съезда мировых посредников сделал выговор старшине и писарю Дунянской волости «за упущения их в деле по найму в рекруты крестьянина Василия Павлова крестьянином деревни Шиловых-Нил Никитой Васильевым»²⁵. В чём именно заключалось упущение, архивные документы не разъясняют, но возможно предположить, что это были какие-то неправомерные действия в отношении замены одного рекрута другим. Жалобы на это в условиях рекрутского набора поступали на рассмотрение съезда мировых посредников регулярно, а жалобщики нередко обвиняли волостного писаря и волостного старшину в нарушении очерёдности рекрутского призыва. С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности такие жалобы в отношении этих должностных лиц прекратились.

Объём делопроизводства по линии волостного правления постоянно увеличивался. К концу XIX — началу XX вв. в волостных правлениях Псковской губернии фиксируется уже наличие писаря и нескольких писцов. Например, в Остенском волостном правлении Псковского уезда в 1890-х гг. имелся один писарь и два писца, а уже в 1904 г. волостной старшина обратился к сходу с просьбой о найме уже 4-х писцов, — из-за увеличения делопроизводства по волостному правлению²⁶. Земский начальник 2-го участка Островского уезда указывал на то, что при каждом волостном правлении имеется по три помощника писаря²⁷. Таким образом, можно говорить об оформлении целой канцелярии при волостном правлении и возрастании роли писаря в крестьянской среде. Данный факт косвенно подтверждается и размером жалования волостного писаря, которое нередко превышало жалование волостного старшины.

Так, в Гласковском (иногда встречается написание Глазковском) волостном правлении Порховского уезда в 1880 г. жалование волостного старшины составляло 144 руб. в год, а волостного писаря — 180 руб.²⁸ Ещё большей была разница в жаловании волост-

ного старшины и писаря в Михайловской волости Великолукского уезда, где в 1891 г. старшина получал 137 руб., а писарь — 220 руб. Размер жалования волостного писаря в Торопецком уезде доходил до 300 руб.²⁹ В Воронежской волости Опочецкого уезда волостной старшина получал 240 руб., волостной писарь 480 руб., а помощник волостного писаря — 240. Правда, здесь необходимо сделать небольшое уточнение. Иногда в жалование писаря входили затраты на канцелярские нужды и даже освещение. Например, такая ситуация имела место в Платиченском волостном правлении Холмского уезда, где жалование волостного писаря было ниже жалования волостного старшины: старшина получал 175 руб.20 коп. (сюда входили затраты и на лошадь, для поездок по делам волости), а волостной писарь — 130 руб. 44 коп. (с канцелярскими расходами и освещением)³⁰. Самая значительная разница в жаловании волостного писаря и старшины была в Псковском уезде, где писарь получал от 740 до 850 руб., а старшина от 180 до 400 руб. Но при этом с этих денег волостной писарь содержал своих помощников³¹. В Порховском уезде волостные сходы отпускали писарям по 60 руб. на наём помощников³². Такая ситуация позволяла волостному писарю действовать довольно гибко и при большом трудолюбии самому получать большую часть денег. В то же время такое положение дел устраивало и волостной сход, который выделял сумму под ответственность одного человека и под одну статью расхода. В конце XIX в. в Псковской губернии государственными служащими активно проводились ревизии волостных бюджетов, в ходе которых пристальное внимание уделялось расходованию мирских капиталов в соответствии с утверждённым сходом сметой.

Помимо жалования волостные писари обычно пользовались бесплатно служебной квартирой с отоплением, на помощников их такая коммунальная льгота не распространялась. Однако, по мнению Торопецкого уездного съезда, включение в жалование волостного писаря расходов на канцелярию и освещение «уменьшает получаемое ими жалование, совершенно не обеспечивающее их существование»³³. По мнению земского на-

чальника 3-го участка Островского уезда, небольшой размер жалования волостного писаря не позволяет «...нанять или назначить лиц отвечающих хотя бы некоторым главным качествам порядочного волостного писаря, т. е. лица могущего не только писать, но и вести все сложное делопроизводство волостного правления»³⁴. По мнению Порховского уездного съезда, значительно больший размер жалования волостного писаря по сравнению с жалованием старшины, ставил последнего «...в неловкое положение и роняло отчасти их значение перед крестьянами, привыкшими видеть в волостном писаре хозяина в конторе»³⁵. В большинстве волостей Опочецкого и Новоржевского уездов волостному писарю помимо квартиры с освещением и отоплением предоставлялся и огород. Квартира волостного писаря нередко располагалась в здании волостного правления. В Жадрицкой волости Опочецкого уезда писарю помимо квартиры и огорода выделялось 15 четвертей хлеба. В Торопецком уезде земские начальники отмечали, что «...волостные сходы упорно отказываются увеличивать содержание лиц, служащих по крестьянскому управлению»³⁶.

В 1892 г. Псковское губернское присутствие озаботилось вопросом об определении минимального размера жалования для волостных писарей, для чего попыталось выявить мнение по данному вопросу со стороны уездных съездов. Торопецкий уездный съезд предложил определять размер жалования должностным лицам крестьянского самоуправления в зависимости от количества наделных душ, входящих в состав общества. Само понятие «надельная душа» официально в документообороте не фигурировало, при сборе данных о денежных сборах или землепользовании использовалось понятие «ревизская душа», хотя последняя ревизия была проведена в 1858 г. По всей видимости, под наделной душой понималось количество лиц, на которых был осуществлён передел наделной земли. Минимальная сумма мирского сбора на содержание должностных лиц волостного правления, по мнению Торопецкого уездного съезда, должна была составлять 10 коп. с наделной души. Такая сумма позволила бы привлечь для работы

на должность волостного писаря достойных лиц³⁷. Исходя из этого, возможно предположить, что должность волостного писаря не являлась верхом мечтаний для образованных людей и не была престижной. Так, Опочецкий уездный съезд указывал, что на должность писаря шли в основном лица, не имеющие имущества, и единственным средством к обеспечению их существования являлось жалование. Кроме того, выполнение обязанностей волостного писаря требовало определённой подготовки, исходя из чего Опочецкий уездный съезд предлагал установить следующую вилку жалования для волостного писаря — от 360 до 600 руб., в зависимости от количества душ в волости³⁸. Опочецкий уездный съезд, высказываясь за определение минимального жалования для должностных лиц крестьянского самоуправления, отмечал, что это позволило бы «устранить произвол схода в этом отношении, производящих известное давление на независимость действий этих должностных лиц»³⁹. В материалах Опочецкого, Псковского, Великолукского, Островского уездных съездов упоминаются и должности помощника писаря, размер жалования которых предлагалось установить в два раза меньше жалования писаря.

Помимо этого присутствие предложило к обсуждению и вопрос о порядке назначения волостных писарей, предложив это осуществлять не волостным сходам, а земским начальникам⁴⁰. Торопецкий, Опочецкий, Новоржевский, Псковский, Островский уездные съезды, т. е. большинство съездов губернии, высказались в поддержку данной инициативы присутствия. В Порховском уезде к этому времени уже сложилась практика назначения волостных писарей земскими начальниками. По мнению Порховского уездного съезда, это предоставляло возможность для подбора более качественного состава писарей, а кроме того, подобная практика способствовала тому, что писари дорожили своим местом и боялись его лишиться: остальные земские начальники будут знать о причинах увольнения от должности писаря и не предоставят ему должности в волостях своего участка.

О сроках службы волостных писарей говорить сложно, но все же отдельные примеры имеются. Так, писарь Коновов служил

в Платиченском волостном правлении более двух лет, писарь Чистов в Хворостьевском волостном правлении — более 2,5 лет, в Пожинском волостном правлении Холмского уезда писарь состоял на службе 9 лет, но как отмечалось в материалах ревизии, «имел плохой подчёрк и небрежно вёл дела»⁴¹.

Роль волостного писаря в структуре крестьянского самоуправления была крайне велика. Так, земский начальник 3-го участка Островского уезда отмечал, что «при неграмотности большинства крестьянского населения и выборных должностных лиц успешность делопроизводства и аккуратность денежных отношений всецело зависит от личных качеств волостного писаря»⁴².

Писарь был важной фигурой в крестьянском волостном правлении, поскольку не только занимался составлением всех необходимых для крестьян документов, но и толковал законы.

Образ писаря в глазах крестьян был очень неприглядным, его часто обвиняли во взяточничестве. Например, волнение крестьян в Святых горах Опочецкого уезда в 1903 г. было вызвано тем, что волостной писарь, по их мнению, неверно составил приговор о раздаче хлеба. Пришедшие в волостное правление крестьяне Корневского общества требовали выдать им писаря, провести учёт

мирских волостных средств и переизбрать волостного старшину. При расследовании данного инцидента выяснилось, что здесь не обошлось и без подкупа крестьян: претендовавший на место волостного старшины Ларионов обещал крестьянам в случае избрания выдать 50 руб.

Писарь был для крестьян чужим человеком — «не из их среды». Для изменения такого положения земские деятели предлагали готовить кадры писарей из самих крестьян, обучая специально этому делу мальчиков из сельских школ, и они же отмечали, что волостные писари находятся под сильным влиянием полицейского ведомства.

Таким образом, волостной писарь занимал очень своеобразную статусную позицию в псковской деревне второй половины XIX — начала XX вв. Не будучи членом крестьянского общества, он в то же время, являясь одним из главных лиц волостного правления, обладал довольно высоким социальным статусом в деревне, как представитель власти. При этом стоит указать и на его низкую социальную позицию в отношении государственных чиновников, осуществлявших контроль за крестьянским самоуправлением. Волостной писарь, на наш взгляд, оказался фигурой чуждой как для крестьянства, так и для местных чиновников.

Примечания

- ¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-11-60001 «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации».
- ² Якимова И. А. Волостные писари в системе местного самоуправления на Алтае во второй половине XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: четвёртые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. С. 197–201; Безгин В. Б. Сельское общественное управление и его представители в оценке русских крестьян (вторая половина XIX — начало XX века) // ВВ: Вопросы права и политики. 2013. № 2. [Электронный ресурс] // http://e-notabene.ru/lr/article_514.html (дата доступа 22.05.2014).
- ³ Волостное правление как орган земской статистики. Псков, 1881. С. 1.
- ⁴ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 384.
- ⁵ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69. Л. 39.
- ⁶ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 81. Л. 21.
- ⁷ Там же. Л. 45.
- ⁸ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 73. Л. 8 об.
- ⁹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69. Л. 47 об.
- ¹⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891). Л. 39 об.
- ¹¹ Там же. Л. 62 об.
- ¹² ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 40.
- ¹³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 30. Л. 43.
- ¹⁴ ГАПО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 9 Л. 1.
- ¹⁵ ГАПО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 9 Л. 1; Ф. 202. Оп. 3. Д. 9 Л. 1.
- ¹⁶ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891). Л. 118.
- ¹⁷ ГАПО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 9 Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Л. 5 об.
- ¹⁹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 18.
- ²⁰ Там же. Л. 21.
- ²¹ ГАПО. Ф. 202. Оп. 3. Д. 9 Л. 3 об.
- ²² Там же. Л. 6 об.
- ²³ Там же. Л. 4.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 649. Оп. 1. Д. 6. Л. 77.
- ²⁵ ГАПО. Ф. 862. Оп. 1. Д. 6. Л. 12 об.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
- ²⁷ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 36.
- ²⁸ ГАПО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 26. Л. 1 об.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 6.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891). Л. 41.
- ³¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 21.
- ³² Там же. Л. 17 об.
- ³³ Там же. Л. 9.
- ³⁴ Там же. Л. 38 об.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 6.
- ³⁷ Там же. Л. 9.
- ³⁸ Там же. Л. 11 об.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 5.
- ⁴¹ ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 69 (1891). Л. 47 об.
- ⁴² ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 150 (1892). Л. 38 об.